

Говард Филлипс Лавкрафт

При свете луны

(What the Moon Brings)

Я ненавижу луну, я смертельно боюсь луны — ибо в ее зыбком свете иные знакомые и милые сердцу места порой представляются мне чужими и безотрадными...

Это было в тот вечер, когда я гулял при луне по старому, запущенному саду, — в тот волшебный летний вечер, когда дурманящие ароматы цветов и колыхание влажной листвы навевали сумбурные и красочные грезы. Приблизившись к неглубокому ручью с кристально чистой водой, я обратил внимание на странную рябь, появившуюся на его тронутой желтизной поверхности, как если бы некая сила властно влекла эти мирные воды в нездешние моря. Быстро и беззвучно, игриво и торжественно — кто знает, куда устремлялся этот заклятый луной поток? А в это время с утопающих в зелени берегов, подхватываемые пьянящим ночным ветерком, один за другим взмывали в воздух белые цветы лотоса — взмывали и в отчаянии бросались в поток, а потом кружились в бешеном водовороте под затейливым сводчатым мостом и оглядывались назад с выражением зловещей безмятежности, свойственным лицам умерших.

Охваченный паническим страхом перед неизвестностью и перед этими мертвыми лицами, которые, казалось, манили меня за собой, я бросился бежать вдоль берега ручья, безжалостно топча забывшиеся сном цветы; я бежал и все более убеждался в том, что при свете луны этот сад не имеет конца. Там, где днем я видел стены, теперь открывались все новые и новые панорамы с деревьями и тропинками, цветами и кустами, каменными идолами и пагодами — и позолоченный луной поток бежал, извиваясь меж травянистых берегов под причудливыми мостами из мрамора. А мертвые лица-лотосы по-прежнему звали меня за собой, отверзая скорбные уста, и я бежал, не переводя духа, пока не достиг того места, где тростник колыхался на ветру и мерцали песчаные отмели, — здесь ручей раздавался вширь и сливался с безбрежным и безымянным морем.

Все та же ненавистная луна озаряла необозримую морскую гладь; упоительные благоухания курились над безмолвными водами. Увидев, как лица-лотосы погружаются в пучину моря, я пожалел о том, что у меня нет сети, чтобы вызволить их оттуда и узнать у них ночные секреты луны. Но вскоре луна скатилась к западу, и сонные воды лениво отхлынули от сумрачных берегов, обнажив старинные шпили и белые колонны, украшенные гирляндами водорослей. И тогда я понял, что это тот самый затонувший город, куда попадают все умершие, и затрепетал, потеряв всякое желание беседовать с лицами-лотосами.

Но когда я различил на горизонте черный силуэт кондора, спускавшегося с небес, чтобы передохнуть на выступавшей из воды поверхности огромного рифа, я страстно возжелал расспросить его о тех, кого знал при жизни. И я бы непременно расспросил его, когда бы он не находился так далеко от меня, — но он был слишком далеко, а потом и вовсе исчез из виду, как будто растаял на фоне огромной черной скалы.

При неверном свете заходящей луны я продолжал наблюдать за отливом. Я видел, как обнажаются все новые и новые шпили, башни и крыши мертвого города. И пока я стоял и смотрел, упоительные благоухания постепенно уступали место тошнотворному запаху гниющей плоти — ибо именно сюда, в это глухое и богом забытое место, собирались мертвые тела со всего света, дабы ими набивали себе брюхо жирные морские черви.

Тем временем зловещая луна висела уже так низко, что едва не касалась поверхности моря, кишевшего чудовищными червями. И, глядя, как зыбятся воды там, где извивались скользкие черви, я словно кожей ощутил какую-то новую угрозу, исходившую с той стороны, где скрылся кондор.

Интуиция меня не обманула — ибо к тому моменту, когда я поднял глаза, отлив обнажил значительную часть широкого рифа, у которого прежде виднелась одна верхушка, и я с ужасом увидел, что это вовсе не риф, а черное базальтовое темя чудовищного монстра, чей громадный лоб уже выступал над водой в тусклом свете луны, а исполинские копыта, должно быть, бороздили ил где-то в невообразимых глубинах. Представив себе, что произойдет, когда луна с ее дьявольским оскалом и отвратительной желтизной предательски улизнет, а из воды покажется доселе невидимое лицо чудовища и на меня уставятся его глаза, я испустил отчаянный вопль.

И чтобы не стать добычей этой безжалостной твари, я, не раздумывая, нырнул в зловонное мелководье — туда, где среди опутанных водорослями стен и отсыревших мостовых жирные морские черви справляли свою жуткую тризну на останках мертвецов, прибывших со всего света.

Перевод: Олег Мичковский

2010 год